

ФОРМИРУЮЩИЙСЯ МНОГОПОЛЯРНЫЙ БАЛАНС СИЛ ПРОТИВ ВЫСОКОМЕРИЯ РАСПАДАЮЩЕЙСЯ ИМПЕРИИ

Концепция и история мирового порядка

В дискурсах о международных отношениях «мировой порядок» понимается как в *описательном*, так и в *предписывающем* (нормативном) смысле. Смешение этих двух аспектов стало причиной многих актуальных полемик. В рамках данного анализа мы ограничимся первым, а именно рассмотрением фактических *отношений власти*, которые определяют и ограничивают глобальное взаимодействие государств. Порядок в таком контексте — и баланс сил, который он включает, — не является чем-то статичным. Он находится в состоянии постоянного изменения. В зависимости от исторического соотношения сил может существовать один, два или несколько центров власти. Пока что в эмпирическом плане мало что можно сказать о стабильности любой из этих конфигураций — однополярной (гегемонистской), биполярной или многополярной. Все зависит от неопределенного сочетания факторов исторической последовательности.

Хотя многосторонний порядок Меттерниха — Священный союз великих держав после 1815 года — обеспечил рамки относительной стабильности после наполеоновских потрясений¹, в конечном счете он уступил место безудержной борьбе за власть этих же стран, кульминацией которой стала Первая мировая война. Этот конфликт привел к довольно искусственной и хрупкой реорганизации международных отношений на основе приоритетов, установленных державами-победительницами.

И напротив, удивительная долговечность биполярного порядка после 1945 года была основана на *взаимном сдерживании* основных ядерных держав той эпохи, США и СССР, то есть на постоянном осознании ими жестокой истины

¹ См.: *Sofka J. R. Metternich's Theory of European Order: A Political Agenda for 'Perpetual Peace // The Review of Politics. 1998. Winter. Vol. 60. № 1. P. 211–228.*

«взаимно гарантированного уничтожения» (mutually assured destruction — MAD)². Хотя это обстоятельство не прекратило своего влияния с распадом Советского Союза и упразднением Варшавского договора, биполярный порядок в конечном счете уступил место подавляющей экономической мощи и убедительности Соединенных Штатов Америки — нового гегемона.

Между тем стабильность образовавшегося однополярного соотношения сил оказалась довольно хрупкой и иллюзорной, несмотря на пропагандистский лозунг о конце истории³. Главным толчком к нестабильности стало растущее неприятие во всех уголках земного шара триумфаторских, фактически *имперских* претензий на власть. Такое развитие событий, описанное некоторыми наблюдателями со ссылкой на так называемый эффект отдачи⁴, представляется гораздо более *всеобъемлющим* и *многомерным*, чем трансформация глобального соотношения сил по экономическим и (или) военным причинам.

В то время как многополярный порядок после Второй мировой войны был в основном обусловлен военными факторами, отражающими баланс сил между победителями в том конфликте⁵, а биполярная система периода холодной войны увековечила этот тип соотношения сил в ходе *эскалации гонки вооружений*, сопровождаемой идеологическими формулировками, сегодня мир, похоже, находится на пути к новому, более подлинному многополярному соотношению сил. Постепенно развивающаяся многополярность отношений власти является *многомерной* и включает военные, экономические, социальные и культурные факторы. С точки зрения отношений власти многополярность будет устойчивой только в том случае, если она будет многомерной.

² Обзор см.: *Sokolski H. D. Getting MAD: Nuclear Mutual Assured Destruction, its Origins and Practice / Strategic Studies Institute (SSI). Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, 2004.*

³ *Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1988. Summer. Vol. 16. P. 3–18 ; Idem. The End of History and the Last Man. L. : Hamish Hamilton, 1992.*

⁴ Например: *Blowback J. C. The Cost and Consequences of American Empire. N. Y. : Metropolitan Books, 2000.*

⁵ Состав Совета Безопасности Организации Объединенных Наций с точки зрения постоянного членства отражает такое соотношение сил. Подробнее см.: *Köchler G. Security Council Reform: A Requirement of International Democracy // Democracy at the United Nations: UN Reform in the Age of Globalisation / eds. by G. Finizio, E. Gallo. Brussels : P. I. E. Peter Lang, 2013. P. 263–274. (Ser. «Federalism» ; № 1).*

Несмотря на многочисленные торжественные провозглашения нового мирового порядка главным бенефициаром краха биполярного порядка⁶, «избыток имперскости»⁷ после холодной войны сделал этот порядок неустойчивым. Быстрое технологическое и промышленное развитие незападного мира и, как следствие, расширение политических возможностей многочисленных игроков, усиленное и укрепленное глобализацией, стали непреднамеренным следствием, которое не было предусмотрено пропагандистами безграничного мира под эгидой США. Этот процесс представляется неостановимым, не в последнюю очередь благодаря закону *actio–reactio* (лат. «действие–противодействие». — Прим. перев.), который распространяется также на экономические, социальные и культурные отношения.

Высокомерие распадающейся империи

Исторически переход от гегемонистского (однополярного) порядка к многополярному балансу сил редко бывает плавным. Защищая статус-кво, гегемон почти неизбежно склонен отрицать реальность, подавлять и игнорировать динамику отношений власти. Наиболее показательным примером является Стратегия национальной безопасности, провозглашенная президентом США Джорджем Бушем в 2002 году, согласно которой высшим ориентиром для вооруженных сил Соединенных Штатов должно быть построение и поддержание обороны страны «за пределами вызова»⁸. Это означало провозглашение стратегии *бессрочной гегемонии*⁹, причем президент недвусмысленно заявил: «Могущество наших сил должно быть таково, чтобы потенциальные противники оставили всякие попытки наращивания военной мощи в надежде превзойти или сравняться с мощью Соединенных Штатов»¹⁰. В конечном счете это *программа остановки истории*. В

⁶ Подробнее см.: Köchler H. Democracy and the New World Order // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 1993. Vol. XIX.

⁷ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987.

⁸ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. Washington, DC : The White House, 2002. Chapter IX.

⁹ О геостратегических последствиях см.: Gaddis J. L. A Grand Strategy of Transformation // Foreign Policy. 2002. Nov.–Dec. № 133. P. 50–57.

¹⁰ The National Security Strategy of the United States of America.

действительности же это квинтэссенция геостратегического отрицания реальности в ключе ранее упомянутой парадигмы конца истории.

Менее чем за два десятилетия грандиозному (а фактически иллюзорному) представлению о неоспоримой гегемонии пришел конец. Исторически складывалось так, что встреча с реалиями власти и окончательное осознание неостановимости прогресса всегда оказывались травмирующими для доминирующего игрока. В силу оборонительного по своей природе характера имперского правления¹¹ гегемон, чувствуя необходимость упредить потенциальные угрозы в любой момент, особенно на пике власти, будет все чаще прибегать к *актам самоутверждения и самовосхваления*. (Император Адриан, который в зените Римской империи решил, как говорит пословица, «отступить от Вавилона», оказался редким исключением¹².)

В современном глобальном сценарии самоутверждение часто означает чрезмерное и незаконное использование односторонних экономических санкций, включая их экстерриториальное применение, со стороны защитника (защитников) статус-кво¹³. В резолюции, принятой подавляющим большинством голосов, эта практика была решительно осуждена Советом по правам человека ООН на его последней сессии¹⁴. Кроме того, существует сложная взаимосвязь между этим, по сути, карательным подходом и самовосхвалением гегемонистской державы, которая высокомерно утверждает свои ценности по отношению к антагонистам или конкурентам за власть. Так называемый глобальный закон Магнитского США

¹¹ Эта характеристика может показаться довольно противоречивой. На первый взгляд, гегемония подразумевает тенденцию к распространению власти и контроля на весь земной шар, что требует *наступательной* стратегии. Однако наступательный подход подразумевает, что страна-гегемон постоянно находится *в обороне*, чувствуя необходимость сдерживать ответные реакции других игроков и защищать статус-кво. Это и есть «оборонительная бдительность» гегемона.

¹² Köchler H. MMXXII — War or Peace: Speeches and Thoughts in a Pivotal Year // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 2023. Vol. XXXVIII. P. IX.

¹³ О юридических последствиях см.: Köchler H. Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. 2019. Vol. 14. № 3. P. 27–47 («Economic Sanctions, Global Governance and the Future of World Order»), 32ff («Unilateral sanctions»).

¹⁴ United Nations / General Assembly, Human Rights Council. Fifty-second session. Doc. A/HRC/52/L.18. 27 March 2023. «The negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights».

является тому примером¹⁵. Призывы к демократии, соблюдению прав человека и верховенства закона (или, в современной западной терминологии, «порядку, основанному на правилах») были частью в конечном счете тщетных усилий по *делегитимизации* всех конкурентов, которые не придерживаются западной интерпретации этих понятий — с целью *легитимизации* гегемонистских притязаний Запада на власть.

Ложный универсализм, который почти требует, чтобы все одобрили западную интерпретацию, а фактически деконструкцию ценностей, связанных с семьей, социальной и культурной идентичностью и тому подобным¹⁶, является частью колониального наследия западных держав. Он представляет собой новую форму *культурного империализма*, который полностью игнорирует глобальное разнообразие взглядов на мир и социокультурных ценностей — на разных стадиях их выражения — и вместо этого навязывает культурно-цивилизационное единообразие всем странам и народам¹⁷. Папа Франциск справедливо неоднократно критиковал такой подход, как форма культурного колониализма, с помощью которого «западные страны стремятся навязать свои ценности развивающимся странам в обмен на финансовую помощь»¹⁸. Самовосхваление в сочетании с политическим и экономическим шантажом часто было характерно для арьергардных действий империй, находящихся в упадке.

Однако в сегодняшней глобальной реальности эти стратегии и политика могут вызвать ответную реакцию все большего числа народов и стран. Чрезмерное самоутверждение, направленное на сохранение доминирующего положения, на самом деле ускорит крах власти. Настаивать на бессрочном лидерстве —

¹⁵ Global Magnitsky Human Rights Accountability Act (GMA) : 114th Congress, Public Law 114-328, signed into law by President Barack Obama on December 23, 2016. См. также: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) : 115th Congress, Public Law 115-44, signed into law by President Donald Trump on 2 August 2017.

¹⁶ См.: *Köchler H.* Human Rights and Global Power Politics : Statement delivered at side meeting of the 51st session of the United Nations Council on Human Rights. Geneva (CH) / Changchun (China), 19 September 2022. Vienna : International Progress Organization, 2022 // International Progress Organization : [сайт]. URL: <http://i-p-o.org/Koechler-HUMANRIGHTS-GLOBAL-POWER-POLITICS-UNCHR-Side-Meeting-19Sept2022.pdf>.

¹⁷ О природе культурного империализма см.: *Köchler H.* Culture and Empire: The Imperial Claim to Cultural Supremacy versus the Dialectics of Cultural Identity. Vienna : International Progress Organization, 2009 // International Progress Organization : [сайт]. URL: http://i-p-o.org/Koechler-Culture_and_Empire-IPO-OP-2009.htm.

¹⁸ Pope Francis criticises West for trying to export own brand of democracy to Iraq and Libya // Reuters. Faithworld. 2016. 18 May. URL: <https://www.reuters.com/article/instant-article/idUK415642318520160518>.

претендовать на статус глобальной парадигмы — всегда было иллюзорной стратегией. События, произошедшие после февраля 2022 года, являются наглядным подтверждением этого закона истории.

Риск глобальной нестабильности в условиях формирующегося многополярного порядка будущего

Если в первые два десятилетия после крушения биполярного баланса сил отстаивание геостратегических интересов новым гегемоном привело к войне и дестабилизации, особенно на Ближнем Востоке, что имело серьезные последствия для Европы, то последние события в Европе несут в себе риск более широкого геополитического противостояния, которое, по сути, разрастается до глобального масштаба. Холодная война биполярной эпохи возрождается в виде новой «холодной войны» между западным блоком, контролируемым Соединенными Штатами, и Российской Федерацией. Прокси-война на Украине и вокруг нее привела к крайне нестабильной ситуации в мире¹⁹. В этом сценарии борьба за власть между основными конкурирующими силами современности (США, Россия, Китай) заслоняет собой постепенное возникновение новой многополярной конфигурации мира. Как учит нас история, пробная схватка среди множества действующих лиц, стремящихся сразу переломить исход в свою пользу, всегда грозит стать предвестником затяжной турбулентности. Кроме того, в ситуации крупной геополитической трансформации, а фактически — переоценки баланса сил после довольно бурной гегемонистской интермедии²⁰, нельзя упускать из виду риски ядерной конфронтации²¹.

События 2022 года ускорили эволюцию глобального миропорядка в сторону нового многополярного соотношения сил, которое будет заметно отличаться от существовавшего сразу после окончания Второй мировой войны. Хотя это не смена

¹⁹ Подробнее см.: *Köchler H.* ММХХII — War or Peace. P. 113–140.

²⁰ Здесь имеются в виду неоднократные агрессивные войны, акты интервенции и применение экономического принуждения со стороны мирового гегемона после 1990 года.

²¹ См.: *Köchler H.* Politics of Peace in the Nuclear Age // Current Concerns. 2022. 11 Oct. № 21. P. 1–3.

эпох (*Zeitenwende*), диагностированная канцлером Германии, — несмотря на Устав ООН, канцлеровский порядок, основанный на правилах, не существовал или не соблюдался доминирующей западной державой в период до февраля 2022 года — тем не менее это будет «изменение погоды», в смысле не парадигмы, но смещения центра тяжести от западного индустриального мира к странам и регионам, с которыми в течение многих десятилетий Запад обращался довольно высокомерно.

Как и события в Европе, роль Китайской Народной Республики в качестве посредника в до сих пор не разрешенных спорах на Ближнем Востоке (Иран — Саудовская Аравия / прокси-война в Йемене) является знаменем времени. Бессрочное доминирование США в качестве могущественного посредника и мирового арбитра уже не является чем-то неоспоримым.

Элементы устойчивой многополярности

Как объяснялось ранее, для того чтобы новая многополярность была *подлинной*, она должна быть *устойчивой* с точки зрения ее *многомерности* и *всеобъемлющего характера*. Стабильный и подлинный многополярный порядок не может определяться исключительно фактическим военным балансом сил, но должен иметь прочные и надежные экономические основы. В связи с этим многое будет зависеть от формирования и прогресса новых моделей международного экономического сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровне. Примечательно, что по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, группа государств БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) уже имеет бóльший экономический вес, чем G7²².

Это направление должно быть дополнено альтернативными финансовыми механизмами, направленными на создание противовеса доминированию доллара США, который в последние несколько десятилетий почти *системно* использовался в целях проведения силовой политики США, а именно как инструмент для

²² Подробнее см.: *Heng Weili*. BRICS' GDP, potential currency a challenge to US dollar dominance // China Daily Global. 2023. 14 Apr.

обеспечения односторонних принудительных мер, в частности для их экстерриториального применения. Нет никакой логики в том, чтобы настаивать на использовании валюты конкретной страны в качестве единственного средства международных сделок, особенно учитывая, что глобальное влияние этой страны постепенно ослабевает, а она неистово цепляется за эту неустойчивую привилегию, злоупотребляя ею, чтобы сохранить свою гегемонию. Созданный странами БРИКС Новый банк развития со штаб-квартирой в Шанхае, возглавляемый Дилмой Русеф, бывшим президентом Бразилии, является важным шагом в направлении создания альтернативных финансовых структур. По словам президента Бразилии Лулы, «почему такой институт, как банк БРИКС, не может иметь валюту для финансирования торговых отношений между Бразилией и Китаем, между Бразилией и всеми другими странами БРИКС?»²³.

Другими столпами новой многополярной архитектуры могут стать организации с региональными перспективами, такие как Шанхайская организация сотрудничества (SCO) с ее многомерным фокусом на обороне, международной безопасности и экономике или Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР) при условии, что последняя организация не станет жертвой стратегии «divide et impera» (*лат.* «Разделяй и властвуй». — *Прим. перев.*), если внешнее действующее лицо воспользуется напряженностью между прозападными членами соглашения и Китаем, который подал заявку на членство в группе в 2021 году²⁴.

Кроме того, прочный многополярный порядок должен будет отказаться от *глобальной культурной гегемонии* — наследия однополярного периода, последовавшего за внезапным прекращением действия биполярного баланса сил. Многомерность нового многополярного порядка должна включать сферы *идеологии* (Weltbild), а также *информации* и *коммуникации*. При таком порядке ни одна страна (и уж точно не бывший гегемон) не должна претендовать на лидерство

²³ Ibid.

²⁴ В 2017 году США вышли из предшествующего соглашения ТРП (Транстихоокеанское партнерство).

в определении глобальных стандартов прав человека или верховенства права. Не может быть многополярности на основе культурного или идеологического единообразия. Нельзя смотреть на мир исключительно глазами Запада²⁵, который является лишь одним из нескольких полюсов в формирующемся глобальном соотношении сил.

Ввиду новой многополярной динамики следует также вернуться к концепциям нового международного экономического порядка и нового международного информационно-коммуникационного порядка, от которых поспешно отказались в 1980-х годах под давлением Запада²⁶. Информационный бойкот и систематическая цензура западным блоком новостей из России и Ирана (это лишь два наиболее ярких примера) еще раз подчеркнули необходимость подлинной многополярности в области глобальной информации. Самым последним, действительно классическим примером дезинформации и гибридной войны стало освещение или, напротив, отсутствие освещения западными СМИ саботажа газопровода «Северный поток» в Европе.

С точки зрения зарождающегося нового порядка важным является вопрос о практике международного уголовного правосудия, зародившейся во время однополярного промежуточного периода 1990-х годов и представленной рядом произвольных, несбалансированных и дисфункциональных специальных соглашений или органов, которые никоим образом не отражают мнение международного сообщества²⁷. Подлинный и стабильный многополярный баланс сил требует уважения *суверенного* равенства всех государств (выраженного в Уставе ООН) на основе *взаимности*. Это исключает любую институциональную структуру международного уголовного правосудия, которая не обладает

²⁵ См. статью «Коммуникация — ключ к миру» (Communication — the key word to peace // Cyprus Mail. 1984. 27 Oct. P. 3), комментирующую встречу экспертов, созванных Международной организацией прогресса по вопросам нового международного информационно-коммуникационного порядка.

²⁶ Подробнее см.: The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications : Studies in International Relations / ed. by H. Köchler. Guildford (England) : Guildford Educational Press, 1980. Vol. III ; The New International Information and Communication Order: Basis for Cultural Dialogue and Peaceful Coexistence among Nations : Studies in International Relations / ed. by H. Köchler. Vienna : Braumüller, 1985. Vol. X.

²⁷ См.: Köchler H. Law and Politics in the Global Order: The Problems and Pitfalls of Universal Jurisdiction // International Conference on the Emerging Trends in International Criminal Jurisprudence : Souvenir & Conference Papers (New Delhi, 10–11 December 2005). New Delhi : Indian Society of International Law, 2005. P. 28–30.

универсальностью членства и как таковая рискует стать объектом манипуляций со стороны влиятельных субъектов внутри и вне этой структуры²⁸. Мирный многополярный порядок не может сосуществовать с политизированной системой фальшивой международной юрисдикции. Несовпадение парадигм — суверенное равенство государств против универсальной и абсолютной власти должностных лиц невыборного органа без какой-либо демократической легитимации — показывает эту несовместимость. Возникающая при этом путаница способствует оппортунистическому использованию уголовного правосудия и является рецептом для постоянного напряжения и конфликта между государствами²⁹.

Выводы. Суверенитет и баланс сил

Чтобы новый многополярный порядок был прочным и устойчивым, он должен основываться на *взаимном* признании суверенитета. В содержательном смысле это понятие относится не только к правовой, но и к военной, экономической и культурной сферам. *Формальное* право (голоса) государств в международных организациях абстрактно и поверхностно, если большинство государств в конечном счете находятся во власти влиятельных игроков, способных навязать свой выбор методами, которые фактически равносильны шантажу³⁰.

Только в условиях подлинного многополярного соотношения сил небольшие и средние державы могут восстановить и сохранить свою способность принимать решения в качестве *равноправных* членов международного сообщества, что предусмотрено Уставом ООН³¹. Только конфигурация, в которой несколько центров силы сдерживают друг друга, обеспечит достаточное пространство для

²⁸ Ср.: Köchler H. Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads. Vienna ; N. Y. : Springer, 2004.

²⁹ О системных проблемах международного уголовного правосудия в контексте политики власти см. также: Köchler H. Justice and Realpolitik: The Predicament of the International Criminal Court // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16. Iss. 1. P. 1–9.

³⁰ В качестве примера можно привести давление, оказанное на непостоянных членов Совета Безопасности ООН при голосовании перед началом войны в Персидском заливе 1991 года, о котором упоминает Эркин Чайлдерс в статье «Спрос на равенство и равноправие: Разрыв между Севером и Югом в Организации Объединенных Наций» (Childers E. The Demand for Equity and Equality: The North-South Divide in the United Nations // The United Nations and International Democracy / ed. by H. Köchler. Vienna : Jamahir Society for Culture and Philosophy, 1995. P. 17–36).

³¹ Статья 2(1) утверждает суверенное равенство государств как основополагающий принцип Организации Объединенных Наций.

принятия решений некрупными государствами без запугивания или страха. Только это поможет им избежать ловушки *divide et impera*, которую часто расставляет гегемон, стремящийся к господству любой ценой. Отчаянные попытки доминирующего западного игрока извлечь выгоду из такой макиавеллистской тактики даже по отношению к таким крупным державам, как Китай или Индия³², являются лишь последним и наиболее очевидным признаком того, что трансформация в направлении многополярной глобальной конфигурации идет полным ходом.

В формирующейся конфигурации ни одна страна не может претендовать на статус парадигмы. Высокомерное миссионерское настаивание на культурном и идеологическом превосходстве, используемое как основание для требования повиноваться и легитимации принудительных действий в любой точке земного шара, — это оружие, которое уже затупилось и не сможет предотвратить неизбежное.

³² Одновременное членство Индии в БРИКС и альянсе Quad (Четырехсторонний диалог по безопасности между Австралией, Индией, Японией и США) иллюстрирует эту проблему.